

рамках федеральной вертикали власти. На протяжении более двух десятилетий мы могли наблюдать уникальную для России политическую ситуацию, когда изначальный президентский совещательный и консультативный институт преобразовывался в полноценный конституционный орган государственной власти, который уже сегодня обеспечивает определенный баланс интересов всех крупных политических групп России, реализуя тем самым поступательное эволюционное развитие государственной системы Российской Федерации.

Список источников:

1. Осипов, А. П. О правовом статусе Государственного Совета Российской Федерации / А. П. Осипов // Закон и право. – 2021. – № 3. – С. 31–32.
2. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 1 июля. 2020 г. – М. : Гарант, 2020. – 23 с.
3. Федеральный закон от 08.12.2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации: офиц. текст». – М. : Гарант, 2020. – 17 с.

<http://edoc.bseu.by>

*В.А. Божанов, профессор
bochanov@tut.by
БГЭУ (Минск)*

ГОСУДАРСТВО: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СУВЕРЕНИТЕТ»

По отношению к суверенитету сложилось парадоксальное положение. Суверенитет безусловно связан с государством, признается его важнейшим признаком и именно в связи с ним изучается как научная проблема. При этом изначально ссылаются на принципы Вестфальской системы международных отношений, которые были приняты в Европе по результатам 30-летней войны, среди которых хотя и отсутствует термин «суверенитет», но в то же время используется более осторожное выражение «*ins territorialis*» или «территориальная власть». В ходе последующих исследований прижилась формула суверенитета как верховенства власти на определенной территории и ее независимости от «чужих» вмешательств. С другой стороны, суверенитет, как в физике электрон, оказался неуловим по своей онтологической принадлежности. Со дня своего появления по нынешнее время ученые не достигли согласия в понимании этого фактора, чаще склоняясь к его с политико-правовой трактовке. Недавние события, связанные с вооруженным конфликтом в Грузии с Южной Осетией и Абхазией, сепаратистское движение в испанской провинции (Каталония, Страна Басков и Галисия) и опрометчиво брошенный в свое время призыв Президента России Б.Н. Ельцина к субъектам страны «брать суверенитета столько, сколько они хотят», приход в августе 2021 г. к власти в Афганистане террористической организации «Талибан» вновь обострили внимание к проблемам суверенитета: о его субъекте, границах и содержании его статуса.

По существу, только в трудах Жана Бодена суверенитет приобрел не только определенность, но и беспрецедентно высокий статус: политическое

превосходство государственной власти в пределах территории определенной страны, ограничить действия которой могут только естественные и божественные законы [1: с. 128]. Великому философу суждено было открыть в новой фазе развития государственности Нового времени термин, который наиболее емко и выразительно обозначился как идея и важнейший критерий оценки формирующейся государственности, и придать ему широкое общественное и научное звучание. По нарождающейся логике Нового времени центрального государственного суверенитета мог стать средством укрощения феодального своеволия, которое буквально разрывало страны на небольшие и слабые «суверены». Суверенитет государства становился общим принципом, «одновременно влиятельным и защищенным» [2, с. 402, 404]. Он действительно «пошел по умам», ему посвятили свои исследования Томас Гоббс, Джон Локк, Жан-Жак Руссо и другие великие мыслители человечества.

Носителем столь всеобъемлющего статуса мог быть только абсолютно надежный субъект, который объективно не мог бы соблазниться таким положением в свою пользу. Суверенитет Бодена в отличие от уже известного средневекового суверенитета был отделен от личности суверена. По мнению Бодена, эту роль могли выполнить народ или коллегия лиц. Значит, сам суверенитет должен иметь объективированное содержание, которое определяется историческими процессами. Его статус возникает вне законов и договоров, вне воли человека, хотя может быть в них формально закреплён. Он возникает и исчезает как важнейшее подтверждение (или отсутствие) того, что людям удалось фактически создать сообщество-государство, устойчивое как внутренней поддержкой, так и внешним добрососедством.

Суверенитет стал декларативным, причем в первую очередь в виде международного фактора. В соответствии с Вестфальскими договорами иницилирующее себя в этом статусе государство стало трактоваться как имеющее право *требовать* от других государств невмешательства в свои дела. То есть не невмешательства как такового, а вмешательства произвольного, без разрешения инициатора статуса. По существу, декларация могла быть выражена так: «я имею право на то, что вы не имеете права не признавать мое право». Сколько должно было произойти таких признаний – тоже осталось без уточнений. Никаких других оснований для признания внешнего суверенитета предъявлять не требовалось. В том числе наличия в каком-то виде и внутреннего суверенитета. В наше время фактом внешнего суверенитета являются дипломатические отношения, установленные с другими государствами, и вхождение в состав ООН. Хотя и здесь не все ясно. Афганистан во время нахождения на его территории Советской армии (1979–1988 гг.), а затем и американской (2001–2021 гг.), оставался суверенным или терял этот признак?

Логически внутренняя миссия суверенитета может принадлежать только населению государства, которое через государство сигнализирует о своем экономическом успехе или провале. Однако у народа весьма сложное положение. Реальным положением дел в государстве распоряжаются властвующие, чиновники и состоятельные люди. Народ как преобладающая

масса трудового люда, рассредоточенная по территории страны, лишь во время выборов может «источить» из себя государственную власть, тем самым воочию продемонстрировать свою суверенную волю. Народ может предъявить как факт свое суверенное верховенство в виде успешной экономики-производственной деятельности, создавая основу суверенитета (хотя и не абсолютно), и способностью учреждать суверенное государство как таковое. Получив такой подарок, «знающие» люди затем берут суверенитет себе в услужение. Правда, в их исполнении понимание и пользование суверенитета не выходит за рамки своеволия: хочу казню – хочу милую, хочу одобряю – хочу запрещаю, хочу строю – хочу разрушаю. Никто этому своеволию не указ. Остриженные боярские бороды и тысячи утопленных в болотах крестьян при строительстве Санкт-Петербурга не поставили Россию в ряд развитых европейских государств, зато слез, горя, разврата и крови – хоть отбавляй! Такова цена суверенитета, который правители приватизировали и отнюдь не во благо истинного суверена – народа. Имена людей, составляющих народ, уходят в небытие, а имена правителей остаются в Анналах «великих» людей страны.

Однако из этого замкнутого круга наука о суверенитете так и не вышла и сегодня. Многие авторы согласны, что суверенитет не имеет материального воплощения, эмпирической наглядности, однако в конце концов склоняются к мнению, которое категорично и ясно выразил российский ученый Н.И. Грачев: «Именно в суверенитете заключается основополагающая идея государства» [3, с. 35–36]. Другие же предлагают столь прозаичное понятие вообще изъять из признаков государства [4, с. 133].

Развитие идеи суверенитета Т. Гоббсом, Д. Локком, Ж.-Ж. Руссо и др. философами и политологами привело к тому, что по своей значимости суверенитет рассматривается ныне как и неограниченный, и абсолютный, а также как фактор международного и конституционного права. В сфере философии суверенитет трактуется как духовная первооснова государственности, которая не зависит ни от чего другого, сама содержит все сущее и творит его. В то же время суверенитет не должен вступать в противоречие с правами человека и гражданина в том виде, как они провозглашены международным правом и конституционно закреплены. Во внешних отношениях суверенитет ограничен рядом общепризнанных принципов международного права, как, например, запретом развязывания войны, обязательствами, взятыми на себя государством как членом международных, региональных надгосударственных организаций – ООН, Совет Европы, СНГ и др. К тому же надо иметь в виду, что в современных условиях боденовская доктрина абсолютизма как средства решения проблемы нестабильности и беспорядков, которая в Новое время однозначно принималась, стала терять свою легитимность. Государство, оставаясь важным типом актора в мировой политике, уже не играет столь доминирующую роль, как это было в прошлом: возросло значение транснациональных отношений в противовес межгосударственности. Транснациональные формы коммуникации – от вещания на коротких волнах и спутников связи до Интернета – ослабили контроль

государства над информационным потоком. Исключительное понимание суверенитета как контроля над населением на четко обозначенной территории поставлено под сомнение. Как известно, на владении информационными потоками обратной связи в политической системе Дэвид Истон обосновывал ее устойчивость и поддержку.

Несомненно, представить себе современное государство без статуса «суверенитет» – значит потерять фундаментальное понимание государства и как высшего «духа», и как представителя себе подобных в системе других государств, и высшим порядком жизни для собственного населения. Суверенитет проходит правовое закрепление, но ни один закон не может быть полномочным представителем суверенитета. Власть также может претендовать на представительство суверенитета, произвольно расширяя понимание суверенитета уже по своим законам власти (например, бесконечное стремление к господству). Суверенитет равнодушен к господству как волевому подчинению. Ему нужно уважение, добровольное признание как естественного протекания государственной жизни.

Искусственно придавая суверенитету статус высшей воли, правящие тут же используют природу государства: практически всегда и везде государство обнаруживает склонность к самовозрастанию мощи и расширению своих полномочий, узаконивая это в принимаемых ими соответствующих законах. Эта концентрация власти пронизывает всю историю государства, особенно в Средневековье. Высший, вне любого контроля статус суверенитета не содержит сам по себе произвола, т.к. направлен против местного произвола, нелегального и нелегитимного, требует публичного видения проблемы, чтобы не только закрепить его юридически, но и сформировать как культурный фактор умения жить вместе без принуждения и силовой фиксации. В международном порядке это выражено более определенно, чем внутри страны: суверенитет рождается исключительно добровольным признанием государств друг другом.

Местническим произволам и разбоям Макиавелли противопоставил произвол централизованной власти государя, оправдывая это тем, что «учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствует беспорядку» [5]. Государь накажет отдельных лиц, а от грабежей и убийств страдает все население. Однако Макиавелли предупреждает, что как только ситуация улучшится, от применения силы надо отказаться. Суверенитет не выражается в силе, он – принцип добрых взаимоотношений, порядочности. Подавление разрушительных элементов в государстве – временная, эксклюзивная ситуация, которую необходимо переводить в мирную, ненасильственную. Наивно? Но в противном случае суверенитет становится эквивалентным государству понятием с неперменным веберовским исключительным правом на насилие и теряет свое самостоятельное бытие.

В этой ситуации особая миссия оберегания суверенитета частично возлагается на правозащитную систему и гражданское общество, способные ограждать права граждан от административного произвола государственно-бюрократического аппарата и заставлять государство постоянно корректировать

свои властные действия, вводить их в рамки правовых норм и законов, сдерживать тенденции к чрезмерной централизации и бюрократизации [6, с. 48–49]. Взаимная адаптация государства и гражданского общества приводит к правовой культуре, где человек не существует ради порядка, а порядок утверждается ради человека, освящая государство цивилизованностью. Суверенитет ни в коей мере не транслируется однозначно на государство, ибо в государстве определена его компетенция, а суверенитет таковой не имеет. Суверенитет имеет отношение к государству, но лишь как явлению, порожденному совместной жизнью людей. Суверенитет неделим, но его высшим состоянием пронизаны все ветви власти и государство в целом, народ, нация, каждый из которых волей исторических обстоятельств выдвигается на передовую позицию творения суверенитета. В мирных условиях суверенитет выполняет функцию этики взаимоотношений государства, его народа и нации как во внутренних делах, так и с мировым сообществом. В военное время мало кто вспоминает о суверенитете, здесь более осязаемы такие понятия, как «свобода», «независимость», «сплоченность», «патриотизм».

Постоянно воспроизводимое понятие суверенитета быть «носителем верховной власти самостоятельно и по своей воле, без внешних ограничений» в условиях интенсивных интеграционных процессов в мире и превращении мирового сообщества в глобальный единый комплекс государств, экономик, политики вносят очень большое сомнение в реальность, а главное – в необходимость оберегать «самостоятельность», не подвергая себя изоляции, провинциальному прозябанию. Потoki информации растут непостижимыми темпами и объем знаний давно уже превысил возможности его восприятия людьми [7, с. 315]. Как можно принимать решения без учета того фактора, что валовый продукт, произведенный за 2020 г. в США, составил 22, 68 трлн долл. в текущих ценах, и превышает, например, в два раза по этому показателю Японию, Россию и Германию вместе взятых? Американские инвестиционные фонды и транснациональные банки остаются крупнейшими инвесторами и субъектами глобальных фондовых рынков [8, с. 618]. Можно и должно возмущаться поведением США в мировой политике, но это никак не отрицает их мирового первенства в экономике и науке. С США очень выгодно сотрудничать. Это – факт! Сокращать экономические, финансовые и иные связи с США ради гипертрофированного понимания суверенитета вряд ли разумно.

Перефразируя выражение В.И. Ленина, скажем – есть суверенитет и есть суверенитет. Есть суверенитет традиционный, стандартный, с 1648 г. превратившийся в догму. И есть суверенитет как гибкая система приспособления в современным реалиям в условиях интенсивной глобализации человеческой жизни. Можно предположить следующее определение суверенитета – необходимый признак крупной человеческой общности, определяющий право каждой из них – государству, народу, нации – право на принятие решений, отражающих собственные интересы и значимость для них мировых факторов развития. Суверенитет направлен на сохранение собственной идентичности, культурных, национальных, этнических особенностей и исторически

сложившегося менталитета, которые в то же время вовлекаются в процессы интеграции и глобализации в нормах естественного развития. При этом понятие «реальный суверенитет» не может быть критерием государственности или иных сообществ, так как он не имеет фактического измерения, а носит скорее символический характер. Являются ли Канада, Великобритания, Украина, Афганистан, Польша суверенными общностями? С точки зрения ООН они суверенны. С точки зрения зависимости в экономике и политике от США – нет. Где же истина? В понимании суверенитета, констатируя, что после 1648 года сложились новые условия, которые необходимо тщательно изучать и интегрировать в систему современного знания и понимания. По крайней мере, в условиях глобализации взаимозависимость стран и народов со всей очевидностью нарастает и критерий независимости государств явно смягчается. Сегодня можно говорить о том, что смысл, вкладываемый в понятие «суверенитет», меняется [9, с. 26].

Думаю, что взгляд на суверенитет с точки зрения политики тоже требует нового переосмысления. Государства, оставаясь главными акторами на международной арене, постепенно начали вступать во все более тесные связи с другими транснациональными участниками. Это привело к тому, что политический вес новых акторов вырос настолько, что они стали вмешиваться во внутрисполитические проблемы, такие как урегулирование внутрисударственных конфликтов (например, НАТО, ОБСЕ, ООН), соблюдение прав человека, определение финансовой политики государства и т.п.

В этой новой политической картине мира государство вынуждено делиться частью своих полномочий с наднациональными структурами, неправительственными организациями, транснациональными корпорациями и т.п. Политика, где действуют принципы большинства, лидерства, константа неустойчивого состояния социума, властного принуждения, требует с этой точки зрения или нового набора критериев суверенитета или соответствующей корректировки прежних. По крайней мере, в последние годы политологи активно исследуют фактор «мягкой силы», возможность создания Мирового правительства и создание нового социального и политического порядка на основе справедливости. В России действует научно-исследовательский институт с многообещающим предметом своей деятельности – новейшие государства.

Ключевой тенденцией трансформации института государства «изнутри» является его децентрализация. Нарастает социальное многообразие и децентрализация экономики. Централизация власти больше не работает, т.к. централизованная власть не способна адекватно и оперативно реагировать на нарастающие объемы и разнообразие частных, групповых и локальных интересов [10, с. 19]. Игнорирование или просто недостаточное внимание к частным, групповым и локальным интересам чревато нарастанием возмущения в обществе, усилением сепаратистских и центробежных тенденций, угрожающих единству государства.

Сегодня глобализация выражает процесс расширения, углубления и ускорения мирового сотрудничества, затрагивающий все аспекты современной

социальной жизни – от культурной до криминальной, от финансовой до духовной, а концепция глобализации подразумевает, прежде всего и главным образом, преодоление социальной, политической и экономической активностью пространственных границ – так, что события, решения и действия, происходящие и принимаемые в одном регионе мира, могут иметь значение для индивидов и сообществ в отдаленных уголках земного шара.

В результате такой глобализации мир из совокупности национальных государств, деятельность которых основывалась на абсолютизации принципа национального суверенитета, а межгосударственные отношения – на абсолютизации приоритета национальных интересов, трансформируется в иной миропорядок. В таком индустриальном миропорядке национальное государство лишается части своего суверенитета, а абсолютный паритет национальных интересов и целей заменяется конвергенцией национальных и общемировых интересов и целей [10, с. 21–22]. При этом, как ни удивительно, граница государства сохраняется, однако она уже более не совпадает с географическим его границами [11, с. 127].

Суверенитет – лишь один из признаков «классической» новоевропейской государственности. В международно-правовое пространство входит новое понимание государственного суверенитета как «включенного» в более широкий контекст международно-правовых договоренностей, обладающих, таким образом, фактическим приоритетом по отношению к нему.

Список источников:

1. Бредихин, А. Л. Суверенитет как политико-правовой феномен: Монография / А. Л. Бредихин. – М. : ИНФРА-М, 2012. – 128 с.
2. Гоулдианн, К. Международные отношения: общие проблемы / К. Гоулдианн // Политическая наука: новые направления – М. : Вече, 1999. – 409 с.
3. Грачев, Н. И. Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства: основные закономерности и тенденции развития: Монография / Н. И. Грачев. – М., 2009. – 278 с.
4. Фрунзе, Л. В. Социодинамика государственного устройства и проблемы государственного суверенитета (теоретико-правовой анализ): дисс...канд.юрид. наук / Л.В. Фрунзе. – Санкт-Петербург, 2003. – 39 с.
5. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – М. : Изд. Парадигма, 2008. – 321 с.
6. Бачинин, В. А. Политология. Энциклопедический словарь / В. А. Бачинин – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2005 – 288 с.
7. Войтов, Л. Г. Наука о науке: философия, метанаука, эпистемология, когнитология / Л. Г. Войтов. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2019. – 426 с.
8. Войтоловский, Ф. Г. Стратегия США в меняющемся миропорядке: вызовы для России / Ф. Г. Войтоловский // Вести РАН. – 2021. – Т. 91, № 7. – С. 616–626.

9. Захарьян, Р. И. Глобализация и суверенитет государства / Р. И. Захарьян // Право и государство: Теория и практика. – 2009. – № 5. – С. 25–28.
10. Нисневич, Ю. А. Государство в XXI в.: тенденции и проблемы развития: монография / Ю. А. Нисневич. – М. : КНОРУС, 2012. – 288 с.
11. Харкевич, М. В. Политическое усиление государства через его онтологическое ослабление / М. В. Харкевич // Полис. – 2012. – № 12. – С. 122–129.

<http://edoc.bseu.by>

*В.В. Варзин, доцент
varzin.vasily@yandex.ru
РГУ им. А.Н. Косыгина (Москва)*

ОБ ИНСТИТУТЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЛАТЫ ТРУДА

Вопросы труда и его оплаты были и остаются одними из наиболее актуальных социально-экономических проблем. Перманентные изменения в экономике и обществе обуславливают необходимость переосмысления существующих теоретических конструкций и разработки адекватных современной действительности теоретико-методологических построений. В этом отношении не является исключением и институт регулирования оплаты труда.

Традиционный неоклассический подход к зарплатоформированию в условиях рыночной экономики базируется на концепции универсального рыночного механизма ценообразования. Законы спроса и предложения, безусловно, являются определяющими на рынках факторов производства. Однако сама рыночность регулирования оплаты труда в современных условиях предполагает учёт влияния на заработную плату работника не только конъюнктуры рынка труда, но и целой системы взаимосвязанных и взаимообусловленных рынков. В частности, значимыми элементами данной системы выступают рынки потребительских товаров и услуг, а также рынок продукции, выпускаемой предприятием, на котором трудится работник. Происходящие на данных рынках изменения, с одной стороны, влияют на трансформацию стоимости (цены) рабочей силы как объективной основы минимума заработной платы, а с другой стороны – отражают итоговую рыночную оценку труда совокупного работника предприятия. Учёт последнего обстоятельства в современных рыночно ориентированных системах оплаты труда преимущественно находит отражение в премиальной части зарплаты работника.

Современные корпоративные социально-трудовые отношения предполагают существование необходимого институционального оформления коллективно-договорного регулирования заработной платы. Ключевая функция данного типа регулирования заключается в нивелировании возникающих противоречий и рыночных дисбалансов, неизбежно сопровождающих рыночное регулирование заработной платы.